

12. Степанов Ю.С. Константы: Словарь русской культуры: Изд. 2-е, испр. и доп. М.: Академический Проект, 2001. 990 с.
13. Хаустова Э.Д. Когнитивные классификаторы в семантическом пространстве языка (на материале лексико-семантического поля «фрукты и овощи» в русском и английском языках): Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Воронеж, 1999. 23 с.
14. Chadwick D.H. Planet of the Beetles. New York: Harper & Row, 1998. 243 p.
15. Encarta Encyclopedia. Microsoft Corporation, 2002.
16. Oxford Advanced Learner's Dictionary. Oxford: Oxford University Press, 1992.

УДК 81`23

Хухуни Г.Т., Смыслов С.П.

Московский государственный областной университет

РЕАЛИЯ КАК ЛИНГВОКУЛЬТУРНОЕ ПОНЯТИЕ (НА МАТЕРИАЛЕ ИНДЕЙСКИХ РЕАЛИЙ)*

G. Khukhuni, S. Smyslov

Moscow State Regional University

REALIA AS LINGUOCULTURAL NOTION (ON THE BASIS OF INDIAN REALIAS)

Аннотация. В статье рассматриваются некоторые аспекты лингвокультурной интерпретации понятия реалии на материале так называемых «индейских реалий» в произведениях американских писателей. Особое внимание обращается на функции слов-реалий в художественном тексте и их статус как показателей этнокультурной специфики литературы США по отношению к другим ареалам англоязычной культуры. В этой связи ставится вопрос о критерии разграничения своих и чужих реалий и отмечается определённая условность отнесения к последним индейских реалий, поскольку речь идёт об американском варианте английского языка. Анализируется также проблема сохранения и репрезентации данного аспекта при межъязыковой передаче.

Ключевые слова: реалии, лингвокультурный, индейский, американский, текст, перевод.

Abstract. The present paper deals with some linguocultural aspects of the so-called "Indian realias" as they are used in the literary texts of American writers. Special attention is paid to the functions of such words as the representatives of the peculiarity of the literature of the USA in comparison with the other cultural areas of the English language. In this regard, the question of criteria for differentiation of their own and others' realities is open and there is a certain conditionality of reference to the latest Indian realities, as we are talking about American variant of the English language. The problem of the translation of these lexical units and the preservation of the above mentioned aspect is also analyzed.

Key words: realias, linguocultural, Indian, American, text, translation.

Одно из самых популярных изречений относительно английской и американской культур, авторами которого называют обычно славившихся своей склонностью к парадоксам Оскара Уайльда или Джорджа Бернарда Шоу, определяет Великобританию и США как «две нации, разделённые одним общим языком» ("America and England are two nations divided by the common language").

Разумеется, как и всякий парадокс, процитированное изречение отнюдь не было рассчитано на буквальное понимание. Но в определённом отношении оно, пожалуй, предвосхитило ставший в наши дни общепринятым тезис, согласно которому языковая общность отнюдь не означает культурной идентичности. Об этом, применительно к двум названным странам, писал

* © Хухуни Г.Т., Смыслов С.П.

в своё время Э. Сепир: «Мы не можем отрицать, что обладание общим языком служит и ещё долго будет служить вернейшим путём к установлению культурного взаимопонимания между Англией и Америкой, но несомненно и то, что другие факторы... решительно действуют наперекор этому нивелирующему влиянию. Общность языка не может до бесконечности обеспечивать общность культуры, если географические, политические и экономические детерминанты культуры перестают быть одинаковыми в разных ареалах его распространения» [4, 191]. А в том сложном и многоаспектном явлении, которое представляет собой американская культура – наиболее молодая из всех культур западного мира, – определённую роль, несомненно, сыграл и тот элемент, который связан с коренными жителями Американского континента и со времён открытия последнего именовался – благодаря известной ошибке Христофора Колумба – «индейским».

Характерно, что и восприятие Америки в Старом Свете также изначально происходило сквозь «индейскую призму» (другой вопрос, насколько последняя имела отношение к реальным краснокожим обитателям Америки). «Благородный дикарь» стал в XVIII в. частым гостем на страницах романов и повестей европейских писателей, противопоставлявших его своим «испорченным цивилизацией» соотечественникам. А когда уже в следующем столетии основоположник американской литературы Вашингтон Ирвинг посетил Европу, то, по его позднейшим ироническим воспоминаниям, он воспринимался там на первых порах тоже кем-то вроде такого «краснокожего»: «... Все были поражены тем, что человек из чащоб Америки изъясняется на вполне пристойном английском языке. На меня взирали как на нечто новое и странное в литературе, как на полудикаря, который взял перо в руки, вместо того чтобы воткнуть его в голову...» [2, 7].

В самой же Америке отношение «бледнолицых» к коренному населению было, как известно, весьма неоднозначным. С реальными индейцами вели фактически войну (часто на истребление), американский фольклор воспевал «покорителей дикого Запада», чьё отношение к «первоамериканцам» было, мягко говоря, также весьма далёким от доброжелательности,

но наряду с этим Новый Свет знал и своего рода героизацию «детей природы», а образы куперовского Чингачгука или лонгфелловского Гайваты стали одним из символов американской литературы, завоевав поистине всемирную популярность. Впрочем, далеко не всегда создатели подобных произведений отличались соответствующими знаниями, что дало в своё время Марку Твену повод заметить: «Кто пишет о битвах с индейцами? Господа, не способные отличить вигвам от вампума, которым никогда в жизни не приходилось бежать опрометью, спасаясь от томагавка, или выдерживать стрелы из своих родичей, чтобы развести на привале костер» [8].

Это ироническое высказывание представляет для нас интерес ещё и потому, что в нём употреблены слова-реалии, ставшие своего рода «визитной карточкой» индейского колорита в творениях американских авторов, касавшихся того, что можно назвать «индейской тематикой». Именно на примере подобного рода лексем нам представляется целесообразным рассмотреть проблему статуса индейских реалий как своего рода средства лингвокультурной маркированности тех или иных текстов.

И здесь мы сталкиваемся с одной достаточно серьёзной проблемой, которую можно – вслед за классическим исследованием С. Влахова и С. Флорина – охарактеризовать как вопрос о разграничении «своих» и «чужих» реалий. Болгарские исследователи решают данную проблему следующим образом: «Чужие реалии – это либо заимствования, т. е. слова иноязычного происхождения, вошедшие в словарный состав языка, либо кальки..., либо транскрибированные реалии другого языка... Эти малознакомые или вовсе незнакомые слова требуют такой подачи, которая позволила бы воспринять описываемое без затруднений, с налёта, т. е. понять смысл и уловить национальный и/или исторический колорит» [1, 66, 89].

В подавляющем большинстве случаев процитированное определение представляется исчерпывающим. Однако применительно к предмету нашего исследования оно, на наш взгляд, требует определённого уточнения. Прежде всего это касается вопроса, на первый взгляд, достаточно парадоксального: будет ли лексический пласт, объединяемый понятием

«индейские реалии», «своим» или «чужим» в тексте, созданном американским автором?

Начнём с собственно лингвистического (точнее, социолингвистического) момента. Казалось бы, ответ очевиден: поскольку языком соответствующего произведения является английский, постольку слова «индейского» (при всей условности этого термина) происхождения для него, естественно, будут «чужими».

Однако вряд ли решение в данном случае может быть столь простым. Ведь речь идёт не «вообще» об английском языке, а о том, что квалифицируется как его *национальный вариант*. Последний, согласно «Словарю социолингвистических терминов», представляет собой «один и тот же язык, приобретший различия вследствие его развития в различных условиях... Напр., ... английский язык в Англии и США» [5, 147]. А эти различия в определённой степени, естественно, сказываются и на лексическом составе American English, для которого слова индейского происхождения едва ли могут считаться в той же степени «чужими» – как для британского и других вариантов английского. Поэтому, на наш взгляд, определять их в данном случае (поскольку речь идёт об американской аудитории) как «малознакомые или вовсе незнакомые слова» не вполне справедливо. Заметим, что сам Марк Твен в процитированном выше фрагменте отнюдь не искал специальных средств «такой подачи, которая позволила бы воспринять описываемое без затруднений, с налёта, т. е. понять смысл и уловить национальный и/или исторический колорит» [1, 66, 89], – с его точки зрения (как и с точки зрения подавляющего большинства той аудитории, которой рассказ был адресован), разъяснять отличия вигвама от вампума для нормального американца не требуется...

Ещё сложнее обстоит дело в плане лингвокультурном. Бесспорно, культура «белых» американцев XVIII – XIX столетий имела мало общего с нравами и обычаями коренных жителей, с которыми столкнулись осваивавшие новую родину поселенцы. Однако многие черты быта индейских племён волей-неволей должны были стать им хотя бы в минимальной степени знакомыми. Конечно, «своими» в полном смысле слова они не могли стать никогда, но и «чужест» их, естественно, ослабевала. На это

обстоятельство, в частности, обратил внимание С.М. Мезенин, отмечавший, наряду с собственно процессом заимствования слов в американский вариант английского языка (“They borrowed words denoting tools, clothing and dwelling places”), и культурную его составляющую: “Continuing to work and live together with Indians, the pioneers learned much about Indian life, customs and beliefs” [11, 139].

Таким образом, в обоих рассматриваемых нами аспектах квалификация индейских реалий как «чужих» является достаточно условной. Не говорим уже о географических названиях индейского происхождения, которые давно уже стали для граждан США «своими» в полном смысле слова. «Из 48 штатов (если не считать Аляску и Гавайские острова) половина – ровно 23 – имеют индейские названия: например, Мичиган, Висконсин, Миннесота, Дакота, Небраска, Орегон, Юта, Айдахо, Алабама, Делавэр, Канзас, Оклахома и т. д. Все важнейшие североамериканские озера тоже доньше носят свои изначальные, доколумбовы названия: Гурон, Эри, Онтарио, Онаяда, Сенека, Виннипег, знаменитый Мичиган и другие. И реки тоже. Индейские названия носят и река Потомак, протекающая прямо под окнами Белого дома, и Огайо, и Уобаш, и «отец вод» – Миссисипи. Мы могли бы продолжать этот перечень до бесконечности» [7].

Правда, в специальной и популярной литературе встречается и утверждение, согласно которому число слов индейского происхождения, вошедших в английский, является всё же относительно небольшим, особенно если сравнить его с тем влиянием, которое испытывал последний со стороны других контактировавших с ним языков: “It could be argued that what is really remarkable is not that Indian words came into the English vocabulary – what could be more natural or necessary? – but that so few of them were admitted. Norse had made serious attacks on English grammar... and made ... a deep thrust into English... Latin brought thousands of words. And the inundation of French has been repeated often enough. But in America, faced with hundreds of languages, English took words only in handfuls... Again and again colonists seem to have refused to grapple with local words and preferred their own” [10, 159-160]. Однако того обстоятельства, что *вошедшие* в

американский вариант лексические единицы в значительной степени стали для американской культуры «своими», количественный фактор, думается, принципиально не меняет.

Соответственно, в том или ином произведении, созданном американским автором, последний далеко не всегда «раскрывает значение слова, обозначающего чуждое для читателя понятие» [1, 89] – именно в силу того, что эти слова-реалии не воспринимаются как «чужие»...

С переводами же дело обстоит уже иным образом – для русского читателя индейские реалии представляют собой несомненную экзотику, и ни о каком лингвокультурном их «усвоении» говорить, следовательно, не приходится. Разумеется, это не исключает того обстоятельства, что некоторые из них русским читателям могут быть достаточно хорошо известны – прежде всего, благодаря знакомству с теми произведениями американской литературы, которые приобрели весьма широкую популярность в России (на первое место тут, вероятно, следует поставить цикл романов о *Кожаном Чулке*, созданный Фенимором Купером). Так, например, – если вновь обратиться к процитированному выше фрагменту рассказа Марка Твена – «томагавк» или «вигвам» вряд ли требуют для отечественного читателя особого пояснения. В этом смысле, пожалуй, можно говорить об их переходе в разряд интернациональных реалий, которые, по замечанию С. Влахова и С. Флорина, «1) фигурируют в лексике многих языков и вошли в соответствующие словари, 2) обычно сохраняют вместе с тем исходную национальную окраску» [1, 69]. В ещё большей степени процесс «интернационализации» характерен для слова «мокасины», где, с одной стороны, сама «национальная окраска» в известной степени стёрлась, а с другой – отмечается «ещё одна особенность интернациональных реалий: их значение может отличаться от первоначального, исходного» [1, 70]. Об этом свидетельствует его современное понимание: «Мокасины – мягкая обувь из кожи или замши у североамериканских индейцев. Мокасины вышивают бисером, в прошлом вышивали иглами дикобраза и другими материалами. Были переняты европейскими колонистами. Современные мокасины утра-

тили этнический колорит, это удобная обувь в стиле унисекс» [3].

Однако, прежде всего, представляется целесообразным вспомнить одно достаточно известное, но порой недостаточно принимаемое во внимание обстоятельство, о котором писал ещё основоположник лингвистической теории перевода в нашей стране А.В. Фёдоров: «Национально-специфические реалии многочисленны в рамках каждой определённой культуры... В связи с интересом к переводу слов, являющихся их названиями и всегда составляющих большую трудность для передачи на другом языке, предложены и классификации самих реалий..., но это – вопрос экстралингвистический..., реалья – понятие экстралингвистическое и не может «переводиться», как не может «переводиться» с одного языка на другой любая существующая в природе вещь. Между тем в ряде работ можно прочесть и о «переводе реалий». Это, конечно, терминологически некорректно, но так как подобное словоупотребление уже широко распространилось, к нему – в тех случаях, когда оно встречается – следует относиться как к условности, как к сокращённому и упрощённому способу выражения. Наряду с ним практикуется более приемлемый: «перевод слов-реалий» (сочетание «слова-реалии» выступает как синоним «названий реалий»); допускается также сочетание «передача реалий», поскольку слово «передача» шире по значению, чем «перевод» и может относиться к экстралингвистическим понятиям» [9, 150-151].

Хотя, на наш взгляд, со строго логической точки зрения, данное утверждение также звучит несколько «уязвимо» (*передаются* в процессе перевода текста с ИЯ на ПЯ в собственном смысле слова всё-таки, наверное, языковые единицы); классик отечественного переводоведения был абсолютно прав, обращая внимание на то обстоятельство, что при репрезентации реалий основной задачей является именно «доведение» до читателя той внеязыковой действительности, которая стоит за последними, и тех ассоциаций, на которые рассчитывает автор. Прибегая к терминам психолингвистики, уточним, что здесь приходится иметь дело не только (а иногда, возможно, не столько), со *значением*, сколько со *смыслом* соответствующих

лексем. Как отмечалось выше, в этом отношении реалии весьма неоднородны: то же слово «вампу», употреблённое Марком Твенном в одном ряду с «вигвамом» и «томагавком», знакомо русскому читателю куда в меньшей степени. Обращаясь же к книге М. Стингла «Индейцы без томагавков», мы обнаружим там среди прочих «широко известное слово» – «скво» [7]. Оно действительно встречается у многих авторов, в той или иной степени обращавшихся к быту коренных жителей Америки, но категорически утверждать, что оно «широко известно» русской аудитории, мы бы всё же не рискнули. Аналогично обстоит дело и с рядом других, по мнению автора, «наиболее известных индейских слов»: *манито* (*маниту*), *пейотль* (*пейот*), *пемикан*, *типи* и др. [7] (подробнее – см. также: «О понятии «индейские реалии» [Смыслов С.П. 2009] [6]). В этих случаях, естественно, от переводчика потребуются прибегнуть к существующим приёмам осмысления реалии для своего читателя. При этом выбор способа последнего, а также степень детализации и подробности объяснения той или иной лексемы будут зависеть от ряда факторов, среди которых можно назвать характер текста, контекст, в котором находится данная реалия, выполняемую ею функцию и т. д.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Влахов В., Флорин С. Непереводимое в переводе. М.: Высшая школа, 1986. 416 с.
2. Ковалев Ю.В. Волшебный кубок Рипа ван Винкля // Ирвинг В. Новеллы. На англ. яз. М.: Прогресс, 1982. С. 7-27.
3. Мокасины // Википедия. Свободная энциклопедия // URL: ru.wikipedia.org/wiki/мокасины.
4. Сепир Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии. М.: Издательская группа «Прогресс», «Универс», 1993. 656 с.
5. Словарь социолингвистических терминов // Ответственный редактор: доктор филологических наук В.Ю. Михальченко. М.: Институт языкознания РАН; Институт иностранных языков, 2006. 312 с.
6. Смыслов С.П. О понятии «индейские реалии» // Вестник МГОУ. Серия «Лингвистика». № 2. М.: Издательство МГОУ, 2009. С. (ПРОСТАВЬТЕ!).
7. Стингл М. Индейцы без томагавков // URL: www.biblioteka.ru/maya|tom|25.htm.
8. Твен М. Как я редактировал сельскохозяйственную газету // URL: www.triz-ri.ru|themes|terapia|terapia39.asp#
9. Фёдоров А.В. Основы общей теории перевода. М.: Высшая школа, 1984. 303 с.
10. Bragg M. The Adventure of English. 500 AD to 2000. A Biography of a Language. London: Sceptre, 2004. 354 p.
11. Mezenin S.M. Life of Language (A History of English). Moscow: МГИ им. Е.Р. Дашковой, 1997. 150 p.